

КАК Я НАШЕЛ МАШИНУ ВРЕМЕНИ

УЛЬЯНА БАЦНИХ
15 лет. Живет в Перво-
майском — небольшом
поселке в Тамбовской
области. Хобби —
писательство и чтение.
Готова вечно перечитывать
книги Фредрика Банмана:

он пишет по-настоящему
трогательные рассказы
об обычных людях
с их проблемами, радостями
и печалью. Оканчивает
школу через два года,
хочет стать инженером-
строителем.

Больше всего в своей жизни Витька любил приключения. И не важно, какие именно были эти приключения: втайне от мамы сходить с соседскими мальчишками на речку, наловить в банку кузнечиков и принести их домой, чтобы посмотреть, чем они занимаются в повседневной жизни, или запустить с папой огромного, ярко раскрашенного воздушного змея, которого мастерили всей семьей. Поэтому когда Витькина бабушка Римма Константиновна, улыбаясь и хитро щуря глаза, сказала, что у нее есть машина времени, мальчик твердо решил, что ему непременно надо на нее взглянуть. Ведь бабушка врать не будет, а значит, в ее доме, деревянном, низеньком, с резными наличниками, потемневшими от времени, стоит настоящая, всамделишная машина времени! О работе такого хитрого прибора Витька, честно сказать, знал мало: пару раз видел в научно-фантастических журналах картинки с учеными, стоящими около громадных, похожих на печки устройств с многочисленными лампочками, сверкающими разными цветами, да и все.

Когда Римма Константиновна открыла дверь внуку, прилагающему все силы, чтобы принять серьезный вид ради столь важного дела, и повела его не в тайную комнату, предназначенную для хранения машины времени, а в спальню с поли-

нявшими старыми диванчиками и столь же старым столом, с которого уже слезла краска, Витька насторожился и спросил:

— Бабушка, а ты уверена, что у тебя есть машина времени?

Мальчик покрутился вокруг своей оси, упорно пытаясь разглядеть в знакомой комнате что-то новое. Безрезультатно! Все оставалось прежним: кровать с деревянной, грубо вытесанной спинкой, часы с кукушкой, переставшей петь уже давным-давно, висящий на стене ковер с хитрым узором.

— Уверена, Вить, уверена, — ответила Римма Константиновна, кряхтя, села на диван и взяла с низкого столика, балансирующего на трех ножках, увесистую книгу в истрепавшемся от времени кожаном переплете. — А ты сомневался во мне, да?

— Ну... Машина времени большая, а у тебя тут такую громадину даже спрятать негде.

Мальчик, разочарованно вздохнув, запрыгнул на диван, протестующе скрипнувший от резких движений, и уселся рядом с бабушкой.

— А тебе прямо все вынь да положи? Вот молодежь пошла! — Бабушка Римма усмехнулась и покачала головой. — Давай так: я тебе кое-что покажу, а ты решаешь, понял ли, в чем хитрость машины времени.

– Ладно, – протянул Витька, откинувшись на спинку дивана и подняв прищуренные глаза на бабушку.

Римма Константиновна, улыбнувшись непоседливому внуку (что взять с десятилетнего мальчишки?), открыла альбом, лежащий у нее на коленях. Пролистав несколько пожелтевших от времени страниц, указала на фотографию маленькой девочки:

– Это я в детстве. Совсем маленькой тогда была, даже младше тебя. – Бабушка посмотрела на Витьку, который заметно оживился и с неподдельным интересом заглядывал в альбом. – Помню, как мы с родителями собирались в город, чтобы сделать фотографию в специальном ателье. В те времена это было дорогим удовольствием. Денег у всех было мало, но мама каким-то чудом купила мне новые ботиночки, белые, блестящие, с ремешком на шиколотке и голубым бантиком на носочке. Они мне невероятно нравились: раньше у меня были только грубые, темные башмаки, которые я донашивала за старшими сестрами и братьями, а тут – такое! Я, как принцесса из сказки, была в нарядном платье, сшитом бабушкой специально для такого важного повода, и в тех самых ботиночках. Я собой налюбоваться не могла: ходила мимо зеркала и думала о том, что не похожа я на себя неопрятную и чумазую от вечной беготни по деревне. Потом мама устала, оттого что я кручусь у нее под ногами и мешаю собираться, и отправила меня на улицу. А день был просто загляденье! Летний, жаркий, немного душный день, оттого что всю неделю, не переставая, шли дожди, наполненный пением птиц и радостными вскриками ребят и девочек, резвящихся на речке. Мне так захотелось к ним пойти! Пусть не поиграть, просто поздороваться и похвастаться, что я, мол, еду в фотоателье, как важная особа. От нашего дома до речки было рукой подать: я бы сбегала быстро, и мама даже не заметила бы. Решила я пойти к речке самой короткой дорогой, проходившей через заросшие поля и огороды. Да тут и появилась проблема: забежала я в эти огороды, а земля там сырая, вязкая, после дождей она высохнуть не успела. Когда выбежала на дорогу, обнаружила, что одного моего ботиночка нет: потеряла, когда шла. И где именно? Ведь по всему огороду прошлась, пока пыталась найти дорогу. Мне тогда стало так обидно, но больше даже не за то, что потеряла ботинок, а за

то, что ругаться будут. Мама-то на них деньги копила. Поэтому я сняла вторую туфельку, бросила ее куда-то в высокую траву (вдруг не заметят моей пропажи!) и пошла к дому. Мама, конечно же, все заметила, но ничего не сказала, только вздохнула глубоко и повезла меня в город на фотографию в старых башмаках...

Витька рассмеялся:

– Да как же ты так сделать могла? Нужно было второй оставлять. Может, не заметили бы, что первый пропал.

– Ну, – улыбнулась Римма Константиновна, потрепав внука по голове, – я тогда не так размышляла. Но благодарю за высказанное мнение! Я учту. Вдруг опять ботиночки потеряю.

Бабушка Римма снова пролистала несколько страниц альбома и остановилась на другой фотографии: там уже было намного больше людей, все они сидели на лавках, составленных полукругом, и смотрели прямо в камеру.

– А вот здесь я уже намного старше: окончила школу, отучилась девять классов, хотя почти все в нашей деревне обычно переставали заниматься учебой после пяти-шести классов и начинали больше помогать по хозяйству родителям, искать работу. А я очень уж любила получать знания: и арифметикой занималась, и историей, и русским языком. Когда нам сказали, что из города приедет фотограф, все невероятно обрадовались. Помню, как я перед этим событием всю ночь перекраивала свою старую одежду для того, чтобы она на мне смотрелась лучше, наряднее. Взяла я тогда у бабушки швейную машинку и начала трудиться. Из бесформенного, длинного сарафана получилось красивое платье до колена, с воротничком и рукавами-фонариками. Пришла в школу, и все девочки мне завидовали. В то время такое модно было носить, но стоили обновки дорого – не все могли себе позволить. Мне даже городской фотограф сделал комплимент, представляешь? Сказал, что я красиво получаюсь в кадре, – вспоминала Римма Константиновна. – Были же времена... А потом, Вить, началась война. Тяжелые это были годы. Тогда уже о платьях и фотографах не мечталось.

Бабушка Римма повернулась и посмотрела на внезапно замолчавшего Витьку, который задумчиво водил пальцами по поверхностям фотографий в альбоме, а потом проговорила:

– Ну, чего ты? У меня еще истории есть, они самые разные: и грустные, и веселые.

Римма Константиновна открыла следующий альбомный разворот и указала внуку на фотографию: там, на фоне многочисленных железных кроватей, составленных у стен с осыпающейся штукатуркой, замерло множество людей. Кто-то был одет в длинные белоснежные халаты врачей, кто-то – в накрахмаленные передники и косынки медсестер, а кто-то – в поварские халаты с закатанными рукавами.

– Ты была санитаркой? – уточнил у бабушки Витька, подняв голову и взглядевшись в ее глаза.

Римма Константиновна залиvisto рассмеялась, словно не вспоминала переживания и страхи прошлого.

– Куда мне! Я до дрожи в руках боялась навредить раненому. Но на войне каждые рабочие руки на счету, поэтому я стала служить кухаркой в госпитале. Работы было много: кормить нужно было и врачей, и медсестер, и солдат. Мы справлялись. Иногда даже служивые помогали в меру своих возможностей. Так, однажды мне парень помог донести короб с овощами до кухни. И зачем, спрашивается, мучился, если у него ранение было? Потом оказалось, что понравилась я ему, решил познакомиться, – вспоминала, мягко улыбаясь, Римма Константиновна. – Начал он приходить на кухню и говорить со мной обо всем. Санитарки ругались страшно за нарушение режима, а он цветы полевые мне приносил. Потом выписался, уехал дальше службу нести. Ты не представляешь, как я тогда расстроилась: ходила больше двух недель как в воду опущенная. Дальше жизнь стала прежней, забот прибавилось, и перестала я так часто думать об этом солдате. Но не забыла и, когда война закончилась, встретила его снова. Судьба, я считаю, не иначе! Это твой дедушка был, Вить, – добавила бабушка Римма, чтобы мальчик смог придать эфемерному образу незнакомого парнишки родные черты, видимые только в раннем детстве, но хранимые в памяти до сих пор.

– Ну, что? – Старушка захлопнула альбом и водрузила его на подлокотник дивана, обратившись к Витьке. – Хочешь еще на машину времени посмотреть?

– Можно все-таки? – просиял мальчишка, улынувшись.

Римма Константиновна глубоко вздохнула и слегка усмехнулась, посмотрев на внука с высоты прожитых лет:

– Знаешь, я тут подумала... Ее в порядок привести надо, рано тебе еще смотреть. Беги вон, поиграй с ребятами, а я пирожков напеку.

Витька, уже расстроившийся оттого, что не увидит чудесный прибор, приободрился, как только услышал о бабушкиной затее, и выбежал на улицу, напоследок крикнув о том, что еще вернется. А Римма Константиновна осталась в доме наедине с прожитыми ею годами, наполненными событиями, постоянно отзывающимися в душе и просящими вспоминать их хоть иногда и переноситься в ту пору.

Спустя тридцать лет, разбирая бабушкины вещи, Виктор нашел тот самый альбом, заботливо оставленный Риммой Константиновной на трехногом столике возле дивана. Открыв его первый разворот, мужчина увидел знакомые детские глаза и наконец-то понял, как работает загадочная машина времени.

